

Пахмутова А.

1/5 88

* 1 МАИ 1988

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Встречи по вашей просьбе

Александра ПАХМУТОВА:

ТАК РОЖДАЕТСЯ ПЕСНЯ

Мне не раз доводилось видеть Александру Николаевну на встречах в воинских частях. И всегда поражало, как легко входила она в контакт с солдатами и офицерами и как сами они преображались при этом, как вполне естественное смущение перед знаменитостью исчезало после первых же слов, и для каждого она тут же становилась близким человеком, добрым товарищем.

Раздумываю, почему именно с ней и именно так это бывает, и прихожу к выводу, что у Пахмутовой, кроме композиторского, есть еще и столь же бесспорный талант человеческого общения. Наверное, будь иначе — и не могло бы у нее появиться таких прекрасных песен. Я твердо убежден: лишь большой душе доступна большая музыка.

А у Пахмутовой она действительно большая. Сейчас невозможно представить нашей музыкальной культуры без ее «Нежности», «Мелодии», «Созвездия Гагарина», «Надежды», «Геологов», «Тревожной молодости», «Таежных звезд»... Из одного перечисления удач выйдет, наверное, целая газетная полоса. И какую песню ни возьми — героиню ее не придуманы в кабинетной тиши. Они живут среди нас с вами, дерзают, мечтают, радуются и грустят. Я уверен, что многих из них Александра Николаевна может просто назвать по имени. Но вот песни об этих конкретных, подсмотренных в реальной жизни людях подхватывал весь народ. Мое поколение сорокалетних выросло на песнях Пахмутовой, теперь их поют наши дети.

Понятие молодости существует как бы в двух ипостасях: как возраста и как состояния души. Так каким же огромным должен быть запас душевной молодости у этой хрупкой очаровательной женщины, чтобы в песнях достигать таких высот?

И тут самое, по-моему, время рассказать о том, как набиралась эта высота.

Рабочий Бекетовской электростанции Николай Андрианович Пахмутов, как говорится, души в музыку не чаял. На скромный заработок купил пианино и сам научился играть на нем. Так, с колыбели, вошла музыка в жизнь маленькой Али.

В пять лет она сочинила первую песенку. Чуть подросла — ее отдали в детскую музыкальную школу. Впрочем, что значит — отдали? Каждый день вместе с мамой Марией Андреевной ездила она за восемнадцать километров в Сталинград — ездила, как на праздник.

Аля была в четвертом классе, когда завоевала право выступить в финале областной художественной олимпиады. Юная пианистка исполнила вальс собственного сочинения. Бурные аплодисменты оборвало появление на сцене ведущего. Побелевшими, трясущимися губами бросил он в зал одно только слово: война!

Пахмутовых эвакуировали под Караганду. С трудом раздобыл Николай Андрианович для дочки старенький аккордеон, с которым она расставалась, лишь укладываясь спать. А в сорок третьем, прочитав в газете, что из эвакуации возвратилась столичная консерватория, Аля заторопилась в Москву. Надо сказать, педагоги были изрядно удивлены, увидев перед собой крохотную девчущку в больших кирзовых сапогах и потертой телогрейке. Но, послушав ее, убедились: настоящий самородок. И девочку приняли в Центральную музыкальную школу.

Вот в связи с этим мне бы хотелось сделать маленькое отступление. Одаренных детей, вундеркиндов, так сказать, в стране и на ны-

нешний день немало. Но почему так редко мы ныне встречаемся с такими исключительно одаренными личностями? Ответить исчерпывающе не могу, но, думаю, прежде всего дело в том, что в искусстве прижилась не свойственная нам ранее манера «изготовления» звезд. «Лауреатомания», так сказать. А «звезды»-то часто гаснут, едва успев вспыхнуть, потому что далеко не в каждой из них воспитано главное: гражданское начало, понимание того, что человек, выходящий на концертные подмостки, — он уже не сам по себе и не сам для себя, он трибун, он разговаривает с целым народом и не самовыражается, как нынче

любят говорить, а выражает мнение народное, его боль, мечты, заботы. Педагоги Пахмутовой — Шебалин, Нежданов, Гольденвейзер, Игумнов, Нейгауз, Пейко, Фере — целое созвездие! — умели воспитывать не просто музыканта — человека. Гражданина!

Композиторский взлет Александры Пахмутовой шел, как бы, наверное, сказали летчики, по крутой траектории. Сорок четвертый — Сонатина для фортепиано, украинская в авторском исполнении фильм «Юные музыканты», обработки народных песен, пьесы для струнного квартета, сюита для симфонического оркестра. Ее произведения входят в программы Евгения Светланова. А 7 ноября 1953 года по радио прозвучит первая песня — «Походная кавалерийская» на стихи Юлии Друниной.

В одном из интервью Александра Николаевна сказала: «Песня требует пожизненной верности и пожизненной смелости». Но ведь она постоянно работает в разных жанрах, хотя все мы прежде всего считаем ее песенником.

— Объясняется это весьма просто, — говорит Пахмутова, — происходит обогащение одного жанра другим. И когда потом пишешь песню — более требовательно относишься к мелодическому материалу. Кроме того, это дает мне свободу в общении с оркестром. Многие композиторы сами не делают инструментовок для своих песен. Жаль: материал в таких случаях бывает куда более интересен, чем его реализация. Для меня же работа над партитурой — один из самых радостных моментов, потому что оркестр может открыть самое интересное в песне: ее глубинный смысл, подтекст.

Я вообще влюблена в оркестр, и мне всегда хотелось писать для оркестра. Но... Мой режим композитора-песенника суров, он совершенно иной, чем, скажем, у симфониста. Симфонию нельзя сочинять урывками. А мне зачастую приходится работать именно так.

— Что же вам мешает? — Не то «что мешает», а так: «что не дает». Темп жизни не дает. Когда-то в молодости я попала в такой водоворот событий, что до сих пор не могу из него вырваться. Сопровождения, заседания, сек-

ретариаты, жюри, советы... Но на судьбу я не сетую. Песня — это главное дело моей жизни, моя путеводная звезда. Каждая из них для меня — признание в любви. Если вас что-то взволновало, потрясло — вам же хочется поделиться чувствами! Так у меня и возникает песня. Я много езжу по нашей стране, полмира исколесила. И тема каждой песни подсказывается самой жизнью.

— Александра Николаевна, я понимаю, это не бог весть какое открытие, но добрая доля успеха по праву принадлежит вашим соавторам-поэтам, прежде всего Николаю Николаевичу Добронравову, с которым написано большинство ваших песен. Ну и, конечно, такие имена, как Ошанин, Матусовский, Долматовский, Гребенников, Рождественский...

— Ну это бесспорно. Без хороших стихов нет песни. Порой одна-единственная строчка становится той искрой, из которой вспыхивает песенное пламя.

— И «третий соавтор» — исполнитель...

— Когда я работаю над песней, как правило, уже подразумеваю и конкретного ее исполнителя. Но бывает так, что исполнитель сам находит произведение. Как-то Анна Герман попросила нас с Николаем Николаевичем прислать несколько песен: «Надежда» оказалась среди них случайно. А певица выбрала именно ее и создала лучший исполнительский образец. А мы-то представляли эту песню «мужской»!

— А как родился цикл «Созвездие Гагарина»?

— При жизни Гагарина мы часто встречались с ним — по-семейному, как-то даже вместе отдыхали, в общем — дружили с первым космонавтом просто так, по-человечески. И в обыденных ситуациях не очень-то и сознавалось, что перед нами легендарная личность. Лишь когда он погиб, всем стало ясно, кого мы потеряли. Хотелось написать о нем песню, но она «не шла». И года через три понял, что в одной песне о Юрии Гагарине ничего не скажешь: нельзя было о нем писать однопланово. Мы с Добронравовым много трудились, не все получалось, но в результате появился этот цикл. И хотя своим творчеством я никогда не обольщалась, очень довольна, что все песни цикла понравились космонавтам.

— Какова, по-вашему, роль песни в воспитании молодого поколения?

— Я не искусствовед и не социолог, решающее слово за ними. Только знаю твердо, что песня может стать знаменем, а может — ножом и наркотиком, и еще, что в капиталистических странах почти не появлялось песен, которые бы завоевали весь мир, таких, как наша «Катюша» или «Подмосковные вечера». Тут есть над чем задуматься...

...Сейчас такое время, когда то, что создано некоторыми художниками в прошлом, вызывает у нас чувство неудовлетворенности, а то и активного неприятия потому, что было оно откровенно конъюнктурным, неискренним. Но никто в этом смысле не может упрекнуть Пахмутову. Рискну сказать больше: мне бы не хотелось, чтобы она в своем творчестве, в своей общественной позиции как-то менялась, к чему-то подстраивалась. Мне, как и миллионам советских людей, дорог ее бесценный дар говорить своей музыкой со всеми нами вместе и с каждым в отдельности. Наверное, этот дар ее идет от глубокого понимания самой сущности социалистического строя, от острого восприятия того, что есть лучшего в нашем народе. Все, что она написала, выдержало труднейший экзамен на правду. Этой хрупкой женщине удалось то, что удается далеко не каждому художнику, — выразить суть своей эпохи и быть понятой ею.

Подполковник Н. ПТАШНИК.

98